

В. Г. Белинский

Московский театр

Виссарион Григорьевич Белинский

Московский театр

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2968285

Аннотация

«Кто не любит театра, кто не видит в нем одного из живейших наслаждений жизни, чье сердце не волнуется сладостным, трепетным предчувствием предстоящего удовольствия при объявлении о бенефисе знаменитого артиста или о постановке на сцену произведения великого поэта? На этот вопрос можно смело отвечать: всякий и у всякого, кроме невежд и тех грубых, черствых душ, недоступных для впечатлений искусства, для которых жизнь есть беспрерывный ряд счетов, расчетов и обедов...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Виссарион Григорьевич Белинский Московский театр

Кто не любит театра, кто не видит в нем одного из важнейших наслаждений жизни, чье сердце не волнуется сладостным, трепетным предчувствием предстоящего удовольствия при объявлении о бенефисе знаменитого артиста или о поставке на сцену произведения великого поэта? На этот вопрос можно смело отвечать: всякий и у всякого, кроме невежд и тех грубых, черствых душ, недоступных для впечатлений искусства, для которых жизнь есть непрерывный ряд счетов, расчетов и обедов. Посмотрите, какое движение на этой прекрасной площади, у этого величественно-грациозного дома, похожего на греческий храм:^{1} к нему тянется ряд карет и дрожек всех родов, включая сюда и кулачки смиренных *ванек*;^{2} к нему приливают толпы пешеходов. Тут все полы, все возрасты, все сословия. Один спешит занять свои кресла в первом ряду, а другой поскорее захватить получше местечко на скромных скамеечках; тут идет великолеп-

^{1} Имеется в виду здание Большого театра на Петровской площади (ныне площадь Свердлова), построенное в 1825 г. архитектором О. И. Бове с использованием проекта А. А. Михайлова.

^{2} «*Ваньками*» называли дешевых московских извозчиков, которые в отличие от биржевых извозчиков не стояли на бирже, а поджидали седоков на улицах.

ное семейство, состоящее из трех или четырех человек, занять свою ложу в бельэтаже, а рядом с ним идет целая толпа плащей и мантий, шляп и шляпок «всех возрастов, считая от тридцати до двух годов»^[3], занять свою ложу в третьем ряду. Это обыкновенно чиновническое или купеческое семейство, а иногда и два, если не три: они *сложались* и взяли ложу. А вот дюжий работник, мастеровой, гризетка жмутся в толпе и толкают друг друга, чтобы прежде других получить билет в раек за свой трудовой, кровный гривенник. Все они будут в разных местах, но всех их привлек сюда один интерес, и все они будут видеть и слышать *одно*, и всякий по-своему насладится этим *одним*.

Давно ли – этому прошло с небольшим разве 50 лет, как Сумароков горько жаловался, в предисловии к своему «Дмитрию Самозванцу», на невежественность публики его времени. «Вы, путешественники, – восклицает он, – бывшие в Париже и в Лондоне, скажите: грызут ли там во время представления драмы орехи; и когда представление в пущем жаре своем, секут ли поссорившихся между собою пьяных кучеров ко тревоге всего партера, лож и театра?»^[4] – Прочтя эту наивную жалобу человека, которого некоторые помнят еще в лицо, как не скажешь с Грибоедовым:

^[3] Цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. пятая, строфа XXVI).

^[4] «Дмитрий Самозванец» Сумарокова вышел из печати в Петербурге в 1771 г. с предисловием автора, которое Белинский здесь частично цитирует.

Свежо предание, а верится с трудом!^{5}

Мало того, что через полвека после этого блаженного времени не только столичная, но даже публика последнего уездного городка чужда всякого подобного упрека – она уже понимает и любит Шекспира, и драмы его ставит выше всех произведений драматического искусства. Теперешняя публика знает о Сумарокове по одной наслышке или по воспоминанию и глубоко заснула бы от прекрасных «трагедий» Озерова, так глубоко, что только одно магическое имя Шекспира заставило бы ее проснуться. Какой прогресс!

В России любят театр, любят страстно. Заезжая труппа актеров, один приезжий столичный актер может пробудить сильное движение и в умах, и в сердцах, и в карманах губернского или уездного города. Театр имеет для нашего общества какую-то непобедимую, фантастическую прелесть. И между тем слышны беспрестанные жалобы на холодность и равнодушие нашей публики к театру. Отчего же это противоречие? Кто прав, кто виноват?

У нас есть таланты, и таланты блестящие – об этом никто не спорит; но число этих талантов слишком не так велико, чтоб их доставало на каждую пьесу. Обыкновенно бывает так, что из десяти действующих лиц – три, много четыре таланта и шесть решительных бездарностей. От этого нет никакой общности в игре, а без общности – что за очарование?

^{5} Слова Чацкого из «Горя от ума», д. II, явл. 2.

Без нее представление – кукольная комедия.

Вот причина холодности нашей публики, и причина глу-боко основательная.

Но точно ли дело в таком виде, как оно представляется нам? Посмотрим.

Таланты везде редки; природа скупа на них. Невозможно требовать, чтобы такая огромная труппа, как труппа московского театра, была сформирована из одних талантов. Ни один театр в Европе не может похвалиться этим, потому что это не в природе вещей. А между тем общность и целость игры есть неотъемлемая принадлежность всякого порядочно-го иностранного театра. Недостаток дарований должен заме-няться умом, образованностию, изучением. Есть такие акте-ры, которые ни одной роли не сыграют художественно и в то же время не испортят никакой роли, за какую ни возьмутся. Такие актеры – дело важное, истинное сокровище для вся-кого театра. Они сами не блещут, но дают возможность бле-стеть другим. Без них невозможно очарование истинности представления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания